

УДК 165

СТРУКТУРА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Кондрашова К.Э., Литвинова М.А., Макеева Е.А.

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

E-mail: elenamea82@yandex.ru

Статья посвящена анализу познавательного процесса, анализу соотношения исторического и индивидуального в реализации осмысления, а также ценностного отношения к окружающей действительности. Особое внимание в статье уделяется структуре познавательного процесса, взаимодействию чувственного и отвлеченного мышления.

Ключевые слова: познание, восприятие, мышление, разум.

THE STRUCTURE OF A PERSON'S COGNITIVE PROCESS

Kondrashova K.E., Litvinova M. A., Makeeva E.A.

The article is devoted to the analysis of the cognitive process, analysis of historical and personal in realization of comprehension and valuable attitude to the reality. In the article special attention is given to the structure of the cognitive process, interaction between perceptible and abstract thinking.

Keywords: cognition, thinking, perception, intellect.

Введение. Известно, что познавательный процесс историчен, что действующий в нем субъект в разные моменты истории находится на разных ступенях собственного развития, в том числе и на таких, которые нельзя назвать зрелыми (для целей познания, конечно). На этих ступенях в нем доминируют не самые объективные, не самые глубинные и не самые высшие элементы человеческой природы и связанные с ними способности. Правда, в силу своего доминирования они представляются субъекту в этот исторический момент (эпоху) как раз именно высшими, предельными формами и его субъективного бытия, и высшими же формами бытия самого объекта, под которым обычно понимается весь универсум. Такое стечение обстоятельств приводит к искажению статуса, достоинств и характера соотношения друг с другом как элементов субъективной природы человека, так и элементов самой объективной реальности. [2, 351]

Цель исследования заключается в анализе структуры познавательного процесса. Для философствующего «внутри» такой доминанты субъекта и он сам, и объект его познания представлены не во всей полноте их бытия: ему даны только непосредственно воспринимаемые их стороны. Между тем каждый из них включает в себя не только актуальное и непосредственно данное, но и потенциальное и многократно опосредствованное, которые могут быть многоярусными и потому не воспринимаемыми во всей своей полноте сразу. Вследствие этого раскрытие субъектом

и объектом своей сущности происходит не в одночасье, а постепенно в течение длительного времени. Поверхностные характеристики заявляют о себе почти сразу же, а более глубокие — значительно позднее.

Материалом исследования являются познавательные способности человека, которые ведут к реформированию представлений о субъекте и его объекте. Даже в неразвитом до своей сущности состоянии и тем самым будучи не выявленными даже для самих себя, самые фундаментальные свойства или способности тоже оказывают влияние на познавательный процесс, но не явно; они исподволь, как бы из «тени», управляют теми способностями, которые лежат на поверхности и которые легко узнаются в качестве орудий познания. То, что действует неявно, из «тени», из не проявленной еще глубины, объективируется с такой же необходимостью, с какой это делают и те способности, которые лежат на поверхности и благодаря этому хорошо заметны. Эти пока еще «затененные» на первых порах способности обязательно занимают определенное положение в создаваемой субъектом картине мира, и выражаются они в ней либо в виде существенных неявных или, наоборот, в виде самоочевидных, «естественных» для такого сознания деталей. Такие глубинные пласты человеческой природы обнаруживают себя прежде всего в виде своего рода аксиом в системах ценностей, представлениях о благе, представлениях о месте и роли человека в мироздании, понимании смысла жизни, представлении о богах или Боге и во многом другом.

Для поверхностного же наблюдения дело представляется таким образом, что непосредственно воспринимаемое кажется действующим самостоятельно.

Рано или поздно некоторые из скрытых прежде способностей, исподволь действующих в познании, развиваются до такой степени, что обретают самостоятельное, отдельное от других способностей существование. Обнаружение той или иной из них в собственной форме с неизбежностью ведет к необходимости, во-первых, скоординировать ее отношение с прежними познавательными способностями в субъекте и, во-вторых, к тому, чтобы встроить «продукты деятельности» новой способности в старую картину объективной реальности. Как правило, вызревание новой способности ведет к реформированию представлений о субъекте и его объекте.

По-видимому, не будет большой ошибкой предположить, что раньше других элементов, входящих в структуру познающего субъекта, наиболее заметной для него сделалась чувственная составляющая познания. Она доминировала в структуре познавательных способностей человека и благодаря этому стала основным элементом формирования картины мира.

Человек, в структуре познавательных способностей которого доминирует чувственность, может замечать и «понимать» только чувственно воспринимаемое, поэтому даже сверхчувственное он смоделирует по принципу чувственного восприятия. Доминирование чувственности в

мышлении приводило к тому, что последнее оказалось способным построить лишь такую картину объективной реальности, в которой главными «героями» были тела разной величины и в которой не находилось места для чего-то принципиально чувственно не воспринимаемого.

В начале своего вхождения в познавательный процесс разумное мышление вступило во взаимодействие именно с доминирующей чувственностью. Результатом их синтеза стали такие положения, в которых данные чувственного опыта приобретали статус всеобщих вещей. И понятно, почему это так. Ведь разум есть такая форма мышления, которая в отношениях между многим и одним всегда отдаст предпочтение единству и постарается многое представить как одно. Если в сферу действия этого мышления попадут данные чувственности, то с неизбежностью одному из их элементов будет придана роль всеобщего. Самые первые физики именно это и делали, когда утверждали, что «все» есть, например, «вода». [3, 46]

Разумеется, и в этом случае единства с чувственно воспринимаемым мышление работало активно, но для самого субъекта познания оно было некоторое время еще незаметным, действовало как бы исподволь, неприметно для себя. В поле внимания попадала только доминанта, лишь она господствовала. Действуя на фоне доминирующей чувственности, мышление было не в состоянии усмотреть своего отличия от чувственности, своей по отношению к ней самостоятельности, не знало своих свойств, не наблюдало своей работы. Оно просто не существовало для себя и для субъекта познания. Формы же его деятельности приписывались непосредственно самим чувственно воспринимаемым вещам.

Второй способностью, с которой вступил во взаимодействие разум, было рассудочное мышление. Хотя рассудок и есть мышление, направленное на множественное (прежде всего на чувственно воспринимаемое), он все-таки является мышлением. И когда разум последовательно переносит свое внимание с чувственности на рассудок, он делает своим предметом само мышление. Он делает объектом своей активности те формы мысли, с помощью которых рассудочное мышление прежде управлялось с чувственностью, с помощью которых оно объясняло возникновение чувственно воспринимаемых вещей, их гибель, движение и пр. Он привлекает к рассмотрению понятия «бытие» и «небытие», «возникновение» и «разрушение» и им подобные и поступает с ними так же, как и некогда с чувственностью, — сводит значения каждого из них к одному, ищет в каждом из них что-то предельно единое.

Сделав своим предметом именно мышление (хотя и рассудочное) и отвлекшись от чувственности, разум усмотрел его отличие от чувственного восприятия, его самостоятельность, его собственные законы, отличные от законов чувственности. Обнаружив отвлеченное мышление, познающий субъект оказался перед необходимостью встроить его в картину мира,

которая к этому моменту уже сложилась на основе доминирующей способности чувственного восприятия. На смену чувственному мышлению в субъекте пришло мышление отвлеченное, на смену чувственной картине объективной реальности должна была прийти такая, которая содержала бы в себе в качестве важнейших начал умозрительные элементы.

Заметим, что сделать это оказалось совсем не просто. Субъект познания видел лишь отличие отвлеченного мышления от чувственности, но не усматривал единства между ними. Отыскание последнего становилось насущной задачей для философии. Без такого единства отвлеченное мышление не «вмонтировать» в картину мира, построенную главным образом из материала чувственности. Эта картина мира неизбежно станет «отторгать» отвлеченное мышление, она будет выталкивать его из сферы объективной реальности, полагая, что эта сфера по праву принадлежит только чувственно воспринимаемым вещам. Доминирующая чувственность станет выталкивать отвлеченное мышление в субъективную сферу, иницируя допущение, согласно которому такое мышление есть лишь субъективная форма деятельности, что ей ничего не соответствует в действительности, что она способна производить только иллюзии. Чувственность и мышление разошлись, они стали существовать параллельно — по собственным законам, и между ними не было усмотрено никакого внутреннего единства.

Результаты исследования. Описанный выше познавательный процесс выглядит как некоторое продвижение субъекта от одной своей способности к другой, как некоторое поэтапное овладение им своими способностями. И еще требуется убедиться в том, что такое движение субъекта есть не только некоторый его маневр внутри себя, но также и погружение в объект. Если движению субъекта «внутри себя» ничто не соответствует в объекте, то переход к отвлеченным формам мыслительной деятельности может быть понят как отход от реальности, а не приближение к ней. Элейские, но прежде всего софистические, аккорды показали, что картина мира и отвлеченное мышление остались друг вне друга, их позиции, несмотря на присутствие элементов диалектики, в целом остались все еще рассудочными, так как они удовлетворились различиями, остановились на множественности и даже не пытались искать единства. [1, 64]

В действительности подобная позиция софистов не лишена резона. Весьма упрощенным следует признать такое понимание познавательного процесса, в котором субъект представляет собой «чистый лист», способный без искажения отразить в себе параметры объекта. Познание значительно сложнее, а взаимодействие субъекта и объекта познания гораздо запутаннее, чем это может показаться на поверхности явлений. Наивный взгляд на процесс приобретения знаний исходит из предположения, что субъект представляет собой существо совершенно пассивное, лишенное своеобразия и самостоятельности и могущее впускать в себя характеристики объекта без

какого-либо искажения. Такой взгляд возможен только при весьма неразвитых представлениях о субъекте, его структуре, функциях, способах деятельности и т. п. На самом деле познание есть процесс активного со стороны познающего субъекта взаимодействия с объектом; в этом процессе каждая из познавательных способностей находится в активном состоянии и производит соответствующий своей природе продукт; из всей совокупности таких продуктов строится картина мира.

Выводы. Осознанно или неосознанно, но субъект переносит на объект познания собственные формы деятельности и воспринимает их в качестве состояний и свойств самого объекта. Усвоить характеристики объекта вне и помимо своих собственных субъект не может. Человек смотрит на мир неизбежно сквозь призму собственного устройства. Объект познания в силу этого предстает как продукт объективации человеческой природы, его сущностных сил и важнейших форм деятельности. Именно с продуктами своей активности, принявшими вид объективной реальности, субъект и имеет дело.

Применительно к рассматриваемой теме следует заметить, что материализм и идеализм также производятся познавательными способностями субъекта, находящимися в разных соотношениях друг с другом. Доминирующая в структуре познавательных способностей субъекта чувственность произведет скорее всего материалистический взгляд на вещи. Присутствие в познающем субъекте наряду с доминирующей чувственностью еще и отвлеченного рассудочного мышления превратит материализм в непоследовательное учение, которое активно пользуется достижениями идеализма и из понятия материи сделает рассудочную абстракцию. Постепенное вступление умозрительной способности в состояние доминанты сделает субъект восприимчивым к умозрительным элементам в вещах и склонным к идеалистическому мировидению. Если умозрительная часть реальности будет обрабатываться средствами отвлеченного рассудка, то идеализм будет непоследовательным и противоречивым. Выработка отвлеченно-разумных форм деятельности и применение их к умозрительному компоненту реальности приведет к появлению последовательного идеализма.

Список литературы

1. Лосев А.Ф., История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т.2., М., 1969.
 2. Макеева Е.А., Исторический и личностный смысл познания // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 7. – №1. – С. 351–353.
 3. Чанышев А.Н., Начало философии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
-